

«...НО В СЕРДЦЕ НЕ СКУДЕЕТ НЕЖНОСТЬ»

Ах, каким изумительным праздником отмечен сегодняшний день! Этот праздник – День нежности. Другое название этого дня – Всемирный день объятий, но объятия одно из частных проявлений нежности и, конечно, «нежность» – понятие более глубокое, вмещающее бездонное количество оттенков. Кстати говоря, есть уж совсем *отдельный* праздник, посвященный нежности – Международный день нежности 3-его февраля и он, по некоторым данным, российского происхождения. Собственно, и само слово «нежность» имеет славянские корни и происходит от слова «нега»; «неговати» в древнеславянском – это значит «ласкать», трепетно касаться.

Нежность – неперенный спутник любви. Хотя... Любовь может быть и без нежности, когда это любовь-страсть, побуждение которой одно – схватить, завладеть, присвоить. Вспомните, как у А.Ахматовой это блестяще передано : «...как я знаю эти упорные, *несытые* взгляды твои» или у Б.Пастернака – «только страсть ...водит по Вселенной *шарящей* рукой».

А вот нежность без любви не бывает! Есть такая старая, 70-х годов двадцатого века, песня композитора Станислава Пожлакова, (ныне совсем забытого, а жаль!) – «Нежность» и есть в песне такая строчка – «Нежность – парус любви». Не смотря на некоторую песенную «красивость» такого определения, в нем что-то, несомненно, есть. Нежность делает любовь более возвышенной, благородной и благодарной. Стоит припомнить эпитеты, которыми сопровождается часто слово «нежность»: «голубиная», «кроткая», «сердечная», «мягкая», «трепетная», «тихая». Побуждение нежности всегда – защитить, оберечь, снять любое бремя, помочь, понять. Именно в нежности любовь в наибольшей степени воссочеловечивается.

Сюжетов в мировой литературе, отражающих проявление нежности, много. Сегодня я припомню только один рассказ – светлый и печальный рассказ Рэя Брэдли «О любви» из «гринаунского» цикла писателя.

Встретились на площадке маленького американского городка двое: Энн Тейлор, 24-летняя учительница, и Боб Сполдинг, ученик, которому близко к 14-ти.

«Она была та самая учительница, которой все ученики старались принести прекраснейший апельсин или розовые цветы...

Она была та самая девушка, что, казалось, всегда проходила по старому городу в зеленой тени, под сводами дубов и вязов, шла, а по лицу ее скользили радужные тени...».

А он был «сродни тем мальчишкам, кто октябрьскими вечерами одиноко бродит по городу и за ним устремляются облетевшие листья...

Или можно услышать его голос в верхушке деревьев, где гуляет ветер; и вот он уже спускается с ветки на ветку и одиноко сидит, глядя на мир...

А потом его можно увидеть на полянке – долгими послеполуденными часами он сидит и одиноко и читает, и только муравьи ползают по книжкам».

Конечно, молния пронзила прежде всего сердце Боба! Его влюбленность так искренне-проста, так деликатна, так бережна... Энн Тейлор, конечно же, легко «считывает» чувства мальчика и, конечно, хотела бы избавить его от неизбежной душевной боли: «Теперь он каждый день встречал ее неподалеку от ее дома... и чуть не всякий раз она начинала: «Боб», - и хотела сказать, что не надо больше ее встречать, но так и не договаривала».

Мало-помалу, она стала ловить себя на том, что и она «долгие мгновения смотрит на него». Между ними, конечно, нет ничего, что многие называют «любовью»! В их встречах всего и было «две-три бабочки-данаиды, книжка Диккенса, десяток раков, четыре сэндвича да две бутылки апельсиновой шипучки».

При этом, оба понимают, что все могло бы быть по-другому «будь я на десять лет старше и сантиметров на тридцать выше...».

Поразительно, но в этой паре удивительно мудры оба! Мудра, нежна, честна Энн, что понятно – все-таки ей двадцать четыре, есть уже и некая «память сердца», и печальная «память рассудка». Но мальчик! Он-то как удивительно мудр и зрел: «по какому-то чудесному стечению обстоятельств, по счастью, это мужчина, с чисто мужским сознанием ответственности своего положения в мире и своих обязанностей».

Наверное, такая любовь, любовь, которая – полет, без права на посадку, неизбежно умудряет душу. Да и вспомним, душа мальчика была готова принять нелегкий дар такого чувства – мальчик, любящий читать и думать, мальчик, знающий, что такое созерцание и сосредоточенность...

«Поверь мне, для нас с тобой ничего не придумаешь», - с нежной грустью говорит мальчику Энн.

«Вот если бы... Если бы вы меня подождали», - говорит мальчик. И она тихо отвечает: «Да, глупо это, и ничего бы из этого не вышло, но я очень бы хотела...». И оба, разумеется, понимают, что вряд ли это возможно и осуществимо!

«Но мы, по крайней мере, все понимаем друг про друга и понимаем, что правы и честны, и вели себя достойно...». Да, это правда, то, что они все понимают друг про друга, что это не клубок бессознательных мучительных чувств, - в этом большая отрада и утешение.

Ведь, в конце концов, как сказала одна из героинь повести Р.Брэдбери «Вино из одуванчиков», - «Любовь определяет дух, хотя тело порой отказывается этому верить».

Любовь светла и печаль такой любви светла, ибо она вся пронизана несказанной нежностью. Этот рассказ, как хрупкая акварель, где легкие, невесомые линии и тончайшие оттенки.

Воистину – «настоящую нежность не спутаешь ни с чем, и она тиха...» - опять великая А.Ахматова!